

мое правительство проявило в отношении к ЧСР в ходе переговоров максимум возможного доброжелательства и уступчивости, а это не может, думается мне, не быть должным образом учтено правительством этой страны.

Сам по себе акт установления нормальных дипломатических отношений означает лишь создание необходимой базы для дальнейших переговоров, отнюдь еще не предвещая изменений в ориентации обеих стран.

Но в нынешней европейской обстановке, надо полагать, вещи не останутся на том же месте после проведения этого формального акта. У нас нет с ЧСР разъединяющих моментов. Мы бы легко могли договориться о самом широком культурном и экономическом сотрудничестве. И в области собственно политических вопросов у нас могли бы найтись пункты дружественного соприкосновения.

5. О возможном отражении «признания» на Малой Антанте² мне приходилось уже публично высказываться. Нет оснований не доверять сообщениям, что в отношении СССР руки у сочленов Малой Антанты свободны и что «признание» одним из них Советского правительства не может отразиться формально на отношениях остальных. Но по существу факт «признания» Советского Союза одним из членов Малой Антанты, конечно, подрывает антисоветскую позицию остальных...

Публикуется по АВП СССР.

¹ См. док. 168—173, 175, 178, 179.

² См. док. 176.

183

Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителю СССР в Чехословакии В. А. Антонову-Овсеенко

Москва

5 марта 1926 г.

Между предоставлением наибольшего благоприятствования в ноте о признании¹ или в отдельной ноте никакой существенной разницы не усматриваем. Заявите Бенешу решительно, что Советское правительство держится отныне твердой политики отказа от предварительных условий признания со стороны европейских правительств и что наш отказ, таким образом, относится не только к Чехословакии.

Литвинов

Публикуется по сб.: «Документы внешней политики СССР», т. IX. М., 1964, с. 152.

¹ См. док. 171, 172.